

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ КУКРЫНИКСОВ

Сергей ОВСЯННИКОВ

Странное имя «Кукрыниксы» я узнал, по-моему, в раннем детстве. Им были подписаны не менее странные смешные картинки, которые назывались «карикатуры». В детском сознании эти два понятия некоторое время путались, и мне казалось, что «кукрыниксами» именуют всех карикатуристов. Я не был оригинален: точно так же считали тысячи мальчиков и девочек нашей огромной страны. Правда, вскоре меня просветила мама, сообщив, что «Кукрыниксы» – это три художника, соединившие воедино три свои, в общем-то, довольно распространённые фамилии. Это были Михаил Куприянов (КУ), Порфирий Крылов (КРЫ) и Николай Соколов (НИКС). Хихикая над смешными картинками, которые в газетах и журналах попадались весьма часто, я и думать не мог, что когда-нибудь встречу с одним из участников знаменитого трио – Николаем Александровичем Соколовым.

Увы, к моменту нашего знакомства он был уже в единственном числе. Его товарищи, прожив в общем-то долгую, наполненную творчеством жизнь, отошли в мир иной. И своё 90-летие Герой Социалистического труда, действительный член Академии художеств СССР, народный художник СССР и РСФСР Николай Александрович Соколов, давно уже прибавлявший к фамилии Кукрыниксы, встречал в кругу родственников и коллег, как последний представитель содружества.

Именно на это торжество и приехали поздравлять юбиляра мы с директором музея Сергеем Черкалиным. Надо сказать, что дружба НИКСа с Рыбинским музеем к тому времени, судя по записям в музейную Книгу поступлений, фиксировавшим подарки художника, продолжалась уже добрых четыре десятилетия. За это время сменилось далеко не одно поколение музейных сотрудников, друживших (а общение с ним практически всегда перерастало в дружбу) с Мастером. И вот теперь надо было выстраивать отношения ещё раз. Было немного боязно, всё-таки художник со всемирной, без всякого преувеличения, известностью. А что подарить на юбилей? Шёл 1993 год. В магазинах начало появляться всё, но по весьма нескромным ценам и совершенно непредсказуемого качества. Запомнилось, как мы выбирали в кооперативном магазине неведомый коньяк, руководствуясь интуицией и подбадривая себя отчаянным (как оказалось, совсем кукрыниксовским) зубоскальством:

– Прекрасный будет заголовок для газетных новостей: «Знаменитый советский художник не пережил юбилея, отведав сомнительного пойла, преподнесённого рыбинскими музей-

Н.А. Соколов.
Автопортрет.
1920 г.

Художник
Николай
Александрович
Соколов
(Кукрыниксы)
в Абрамцево.

щиками»...

На практике всё оказалось как нельзя проще и лучше. Привезённый нами букет последовал в одну из многочисленных ваз, интуитивно выбранный коньяк куда-то унесли (увы, здоровье юбиляра позволяло ему, как оказалось, пить только водку в совершенно символической дозировке), а мы уже через несколько минут разговаривали со знаменитым художником, как будто были давними-давними знакомыми. Мы и были знакомыми – знакомыми из того

города, который когда-то приютил юного Колю Соколова. Приютил – и сделал художником.

В далёком 1920 году в дом к бывшему рыбинскому купцу Алексею Шемякину переехала из Москвы дочь Мария, в замужестве Соколова. Правда, муж уже давно ушёл из семьи, зато остались шестеро детей. Принадлежавший Соколовым магазин в

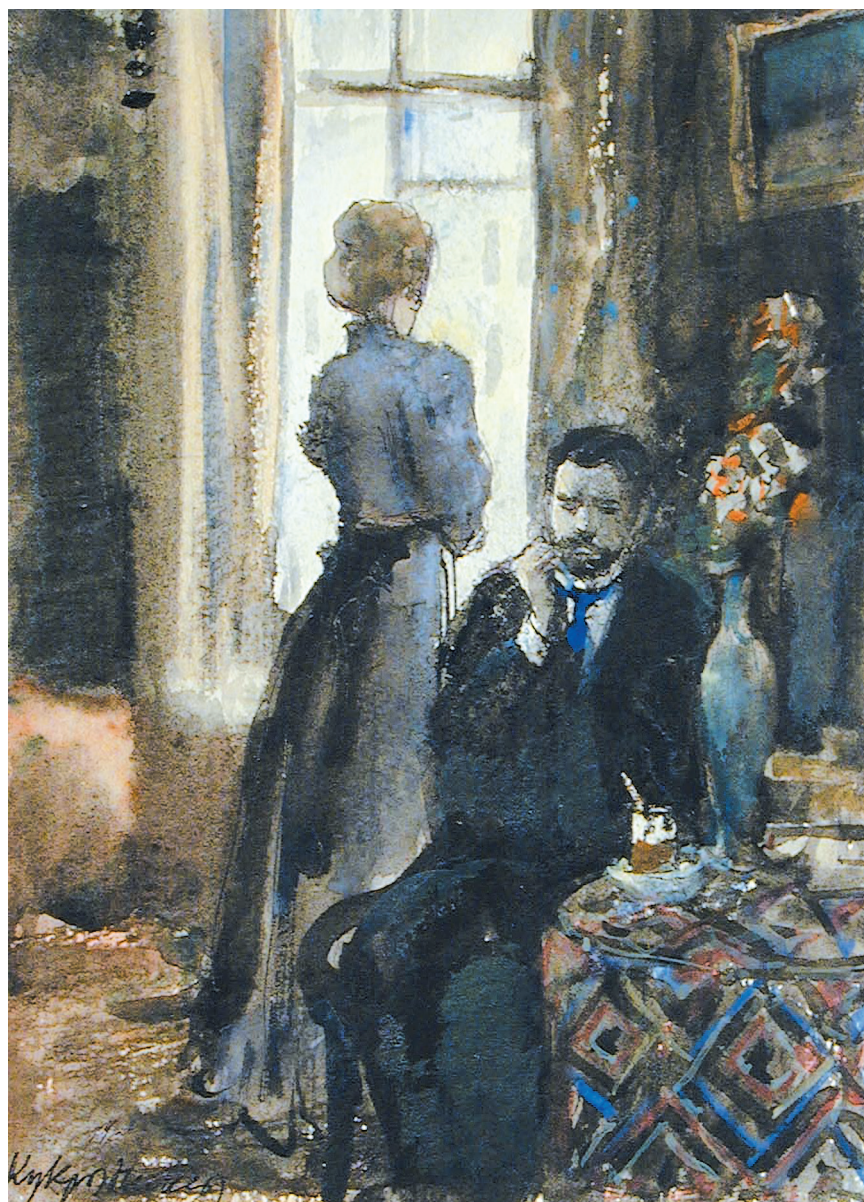

Верхних торговых рядах (будущем ГУМе) национализировали, их дом сгорел и ничего в новоявленной столице Советской России их не держало. А дедушку Шемякина всё равно собирались уплотнять – так уж лучше собственными родными.

Вскоре по приезде старший из детей Соколовых обнаружил в соседнем дворе группу ребят, что-то рисовавших. Оказалось, что это изостудия местного Пролеткульта. В ответ на вопрос мальчика: «А можно мне с вами?» – ему предложили что-нибудь нарисовать. Вследующий раз Коля – а это был именно будущий художник – принёс изображение собственной комнаты, да такое, что и сейчас Рыбинский музей представляет его на выставки, совершенно не делая скидки на возраст юного живописца.

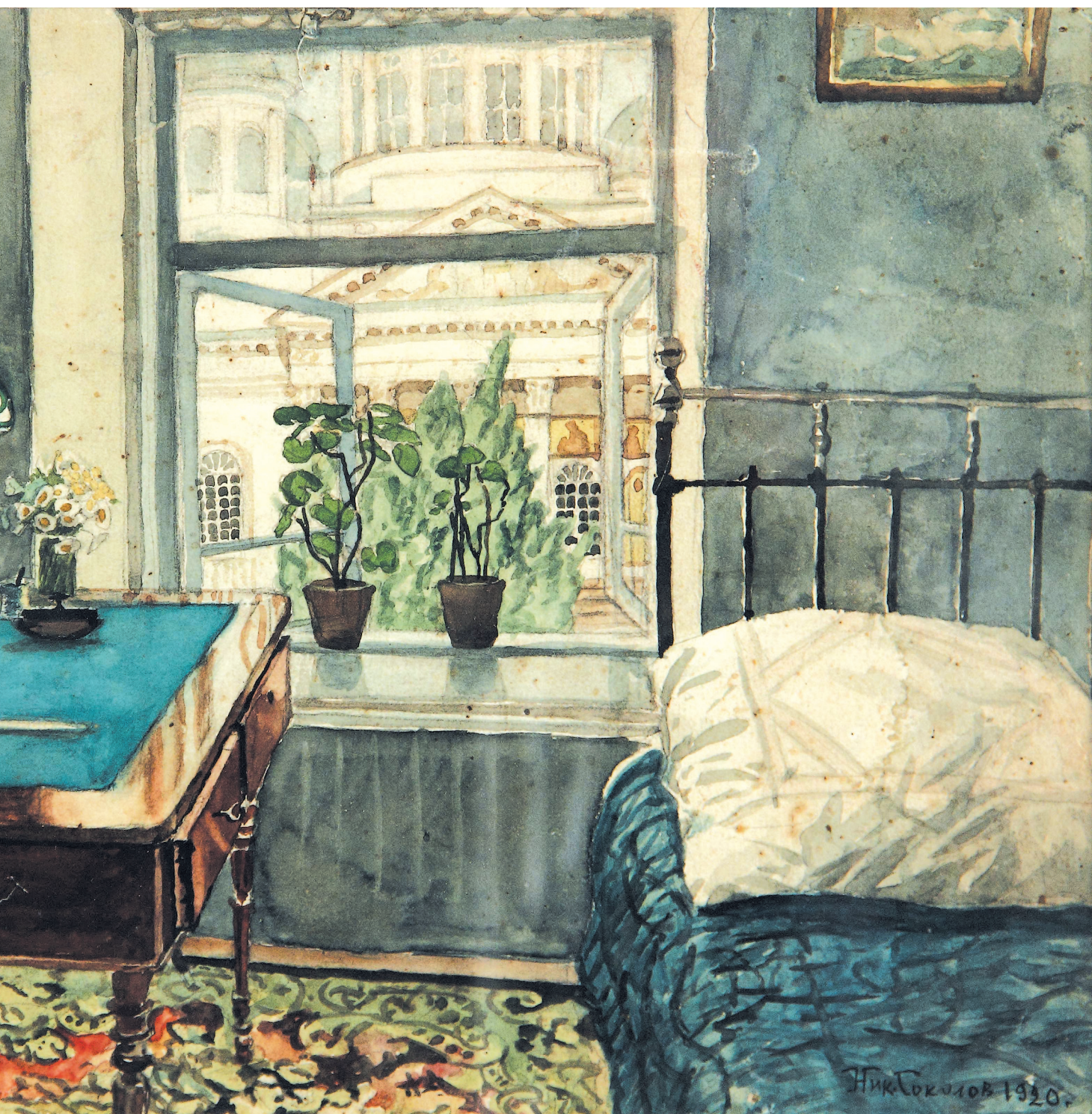
Вскоре Николай Соколов, одновременно заканчивавший школу и работавший в отделе кадров местного пароходства, стал одним из лучших

Николай Соколов
с сестрой Татьяной
в детстве.
Фотография 1906 г.

Н.А. Соколов.
Интерьер. 1920 г.

Кукрыниксы.
Эскиз иллюстрации
к рассказу
А.П. Чехова
«Дама с собачкой».
1945 г.

учеников изостудии. В то время входили в моду сокращения-аббревиатуры, и ученики изостудии вовсю создавали себе эффектные имена, как мы сказали бы сейчас, «ники». Ником Николая стал НИКС. Через три года НИКС вернется в родную Москву, чтобы учиться в знаменитом ВХУТЕМАСе. Вскоре он познакомится с учившимися курсом старше Мишей Куприяновым и Порфишей Крыловым, и к моменту получения диплома о Кукрыниксах будет знать весь институт.

Это уже потом Кукрыниксы попадут

в Книгу рекордов Гиннесса как самый многолетний творческий союз, а пока они славятся совсем не долголетием. Дружеские шаржи на писателей и художников сделали их известными среди творческой интеллигенции: быть «окукрыниксенными» стало просто модно. Молодые художники с горящими глазами и нестандартным взглядом на мир привлекают внимание самого Максима Горького. Газетные карикатуры, посвященные разгильдяйству на транспорте, разнесли необычное имя по всей стране. Дело было не столько в содержании

рисунков, сколько в остроумной трактовке, превращавшей газетное сообщение о том, что на такой-то станции не уделяется должное внимание ремонту паровозов или охране грузов, в занимательный, как сейчас сказали бы, прикол, высмеивающий лодырей и разгильдяев.

Но главного, подлинного героя Кукрыниксы получили с началом Великой Отечественной войны. Разумеется, им стал Гитлер. Как только не изображали его мастера карикатуры! Лютый, и, казалось подчас, что и непобедимый, на рисунке враг оказы-

вался мерзким, смешным и не таким уж и страшным в итоге. Их творения – от газетных карикатур до огромных, в несколько метров, «Окон ТАСС», вызывали дружный хохот по эту сторону фронта и бессильную злобу и ненависть у противника. Гитлер даже включил Кукрыниксов в список своих личных врагов, подлежащих немедленному уничтожению, – художники этим очень гордились.

Ставшие всемирно известными, Кукрыниксы продолжали плодотворно работать до конца отведённого им жизненного срока. Их карикатуры бичевали и НАТОвских генералов, и израильскую военщину, и «родных» халтурщиков, лодырей и «стиляг». Впрочем, художники, вопреки расхожему представлению, не ограничивались карикатурами, но об этом чуть позже. А пока перед нами сидел знаменитый художник, прекрасный

рассказчик и просто удивительно светлый человек.

* * *

Не знаю, как Куприянов и Крылов, но Николай Александрович, честно говоря, был не очень похож на свои карикатуры – те были ехидно-желчные, а он – полон юмора, но какого-то, я бы сказал, элегического. Конечно, и мы ведь были не Гитлером с Герингом, а хорошими людьми, приехавшими поздравлять знаменитого художника, имя которого, увы, уже начало становиться частью истории. Безусловно, НИКС действительно был частью истории: человек, знакомый с Маяковским и Горьким, Станиславским и Мейерхольдом, маститым Качаловым, молодым Шостаковичем и совсем юной Галиной Улановой. Казалось, что каждый из них то по очереди, то целой компанией заглядывали в комнату, в которой мы сидели, рас-

спрашивая их живого современника.

Всё же некоторых персонажей, хорошо знакомых мне ещё по старенькой, начала шестидесятых «Истории советского искусства», с которой я когда-то готовился поступать в институт, в этот день я всё-таки увидел.

Подтянутый, несмотря на солидный возраст, седой мужчина оказался Леонидом Сойфертисом, участником обороны Одессы и Севастополя, автором удивительно совершенных по форме юмористических рисунков, стиль которых невозможно спутать с работами других художников.

– Володя! – позвал Николай Александрович сына. – Помнишь, как Леонид приехал в войну из Севастополя в форме моряка и ты, маленький, ни на шаг не отходил от него?

Среди нескольких собравшихся за праздничным столом гостей, в числе которых был и тогдашний президент Российской Академии художеств

Встреча в Германии. Кукрыниксы (слева направо: М.В. Куприянов, П.Н. Крылов, Н.А. Соколов) и брат Н. Соколова Сергей.

Кукрыниксы. «Окно ТАСС» № 323. Конец 1941 г.

Н.А. Соколов.
Кактус породы Кукрыникс.
1982 г.

творчеству, и не пригласить его, как я понял, было просто невозможно.

Застолье продолжалось, по-моему, не очень долго, что вполне понятно, если учитывать почтенный возраст собравшихся гостей.

* * *

Через 5 лет, когда отмечалось 95-летие Николая Александровича, всех их, за исключением дожившего в итоге до 108 лет Ефимова, уже никого не было на этом свете. Новый президент Академии художеств – Зураб Церетели – приехал, чтобы поздравить старейшего (по стажу) члена Академии, но уже не к застолью, а позже – десятилетий общих воспоминаний с Мастером у него не было. Сам же художник, как казалось, за 5 лет совсем не изменившийся, в ответ на многократные пожелания встретиться на его столетии лишь вежливо улыбался. Но ближе к вечеру, когда большинство гостей уже разошлись, а меня при прощании очередной раз потянуло пофантазировать, как мы будем отмечать его столетие, неожиданно для меня тихо сказал: «Не знаю... тяжело очень».

Он дожил до начала 21 века. Последний раз я его навещал в больнице, где они лежали с Надеждой Михайловной. Я привёз коробку рыбинского «птичьего молока», украшенную фотографией Рыбинска.

– Как хорошо! Буду всех приходящих угощать и родной город показывать, – обрадовался художник.

– Сами-то хоть попробуйте, – начал уговаривать я.

– Надя! Скушаешь конфетку? – обратился он к жене. Та обречённо

Николай Пономарёв, моложе всех выглядел самый представительный по возрасту (на год старше юбиляра), галантный и общительный Борис Ефимов, брат расстрелянного в 30-х годах журналиста Михаила Кольцова. Звучали шутки и воспоминания, а их за прошедшую эпоху у художников накопилось немало.

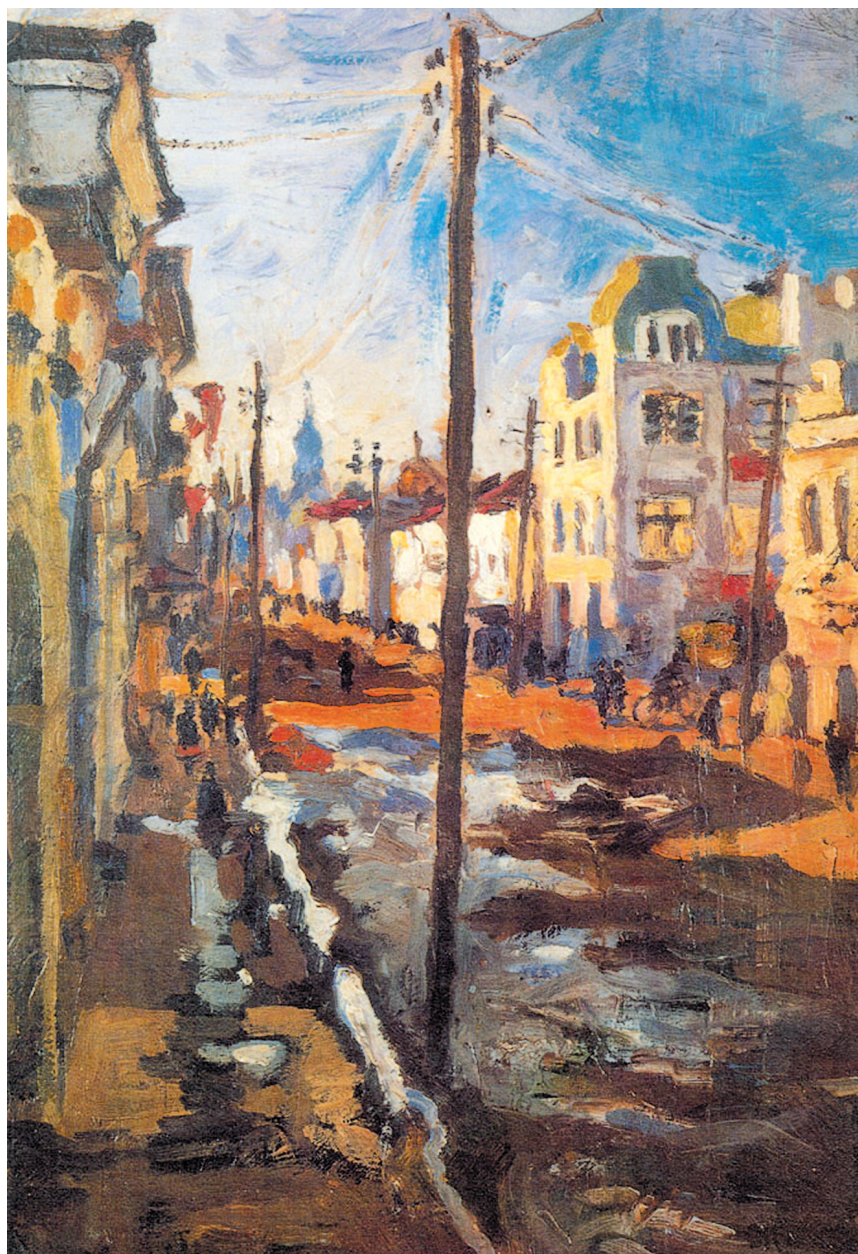
Державшийся официально-сдержанно Пётр Матвеевич, как выяснилось впоследствии, оказался тем самым учёным секретарём Академии художеств Сысоевым (у меня, кажется, вырвалось: разве он ещё жив?!), получившим печальную известность рьяным преследованием «формалистов» ещё в сталинские годы. К Кукрыниксам, работы которых при желании можно было очень легко обвинить в «формализме», «очернительстве» и прочих смертных грехах, он относился с почтением, даже написал ряд статей, посвящённых их

Эскиз
иллюстрации
к рассказу
А.П. Чехова
«Человек
в футляре».
1945 г.

Н.А. Соколов.
Рыбинск.
1 мая 1920 г.

отмахнулась: ей было совсем плохо.
— Ну, а я одну съем, — с просто отчаянной решимостью сказал художник, не забыв, кстати, угостить и меня.

Я ещё получил от него одно или два письма, оптимистичных, как всегда. А потом, весной 2000 года, пришлось ехать на похороны, чтобы в последний раз увидеть этого удивительного человека...

* * *

Но вернёмся в 1993 год. Хотя юбилей был у НИКСа, самые ценные подарки получили от юбиляра мы, точнее — музей в нашем лице. Это просто мечта музейщика, когда перед тобой лежат целые папки с сотнями рисунков прославленных художников, а ты из них выбираешь, восполняя пробелы в нашей и без того уже немаленькой коллекции Кукрыниксов. Так мы стали обладателями многочисленных дружеских шаржей: от ранних тридцатых годов на писателей Лидию Сейфуллину и Вячеслава Шишкова (и целой коллективной карикатуры с двумя десятками персонажей тогдашней литературной жизни) до Владимира Высоцкого и Пабло Пикассо. Мы получили и целый рулон «Окон ТАСС», свёрнутый, кажется, ещё в военные годы. Эти большущие листы, переводившие на язык карикатуры последние новости с фронта и делавшиеся абсолютно без расчёта на их будущее музейное хранение, находились, мягко говоря, в не очень хорошей сохранности. На несколько лет они стали главной головной болью музейного реставратора графики Елены Скворцовой, которая сумела совершить настоящий подвиг, в оди-

ночку (по правилам, здесь должна работать целая бригада) отреставрировал четыре из них. Получили мы и военную реликвию особого рода: кусочек шинельного сукна, покрывавшего стол в момент подписания на нём... Акта о капитуляции фашистской Германии. Как рассказал Николай Александрович, сразу после того, как руководители делегаций покинули зал, присутствующие тут же разрезали сукно на кусочки. Свой «трофей» художник берёт почти полвека, а потом разрезал на две части и передал одну в открывавшийся комплекс на Поклонной горе в Москве, другую – нам, в Рыбинск. К нему прилагались сделанный в те же дни с натуры карандашный – и совсем не карикатурный – портрет маршала Г.К. Жукова, а также эскиз задуманной тогда же Кукрыниксами картины, изображающей это событие.

Николай Александрович был дей-

если бы недоразумение не разъяснилось так быстро, боюсь, искали бы нас всероссийским розыском: авторитет и давние связи у последнего из Кукрыниксов ещё сохранялись.

Конечно, мы каждый раз возвращались в Рыбинск полными впечатлений от общения с художником. Не всегда радостных. Николай Александрович рассказывал о том, как в годы войны хлопотал за невинно арестованных знакомых, ездил в Соликамск к осуждённому товарищу по ВХУТЕМАСу карикатуристу Косте Ротову. Была и история, как «соответствующие органы» пытались завербовать Порфишу Крылова, чтобы он сообщал сведения о Куприянове и Соколове. Крылов, в ужасе рассказав всё друзьям, после этого буквально прятался дома и долгое время выходил на улицу лишь с ними, втроём. Много лет Кукрыниксы слали запросы о судьбе знаменитого режиссёра В.Э.

Не знаю, как Куприянов и Крылов, но Николай Александрович, честно говоря, был не очень похож на свои карикатуры – те были ехидно-желчные, а он – полон юмора, но какого-то, я бы сказал, элэгического. Конечно, и мы ведь были не Гитлером с Герингом, а хорошими людьми, приехавшими поздравлять знаменитого художника, имя которого, увы, уже начало становиться частью истории. Безусловно, НИКС действительно был частью истории: человек, знакомый с Маяковским и Горьким, Станиславским и Мейерхольдом, маститым Качаловым, молодым Шостаковичем и совсем юной Галиной Улановой.

ствительно тронут нашим визитом. Несколько дней спустя я услышал по радио интервью с ним, где он радостно сообщал, как у него побывали «два Сергея из Рыбинского музея». С тех пор наши визиты в гостеприимную квартиру на московской улице Земляной Вал стали постоянными. Позднее я приезжал к художнику и с другими коллегами: тогдашним заместителем директора Мариной Васильевой, научным сотрудником Натальей Коноваловой. И каждый из них, как и я, вполне мог считать себя не просто знакомым, но, в общем-то, настоящим другом мастера. Со всеми Николай Александрович вёл переписку, дарил рисунки, был рад видеть у себя дома. Однажды, вернувшись из Москвы, где помимо встречи с художником решались ещё какие-то проблемы, мы сразу с головой окунулись в поток накопившихся дел и не позвонили ему, чтобы сообщить о своём благополучном возвращении. И получили от Николая Александровича настоящий отеческий нагоняй – он настолько всерьёз обеспокоился, что

Мейерхольда, официально получившего «10 лет без права переписки». Уже после смерти Сталина им сообщили, что Мейерхольд был расстрелян вскоре после вынесения приговора, и любезно предложили ознакомиться с материалами дела.

– После того, как мы прочли его, – рассказывал художник, – у нас был только один вопрос: а почему не арестовали нас? – Руки у органов не дошли, – объяснили им, – а потом война началась, стало не до того, а вы получили большую известность. Так и уцелели.

– Да, – вздыхал обычно оптимистичный Николай Александрович, – это много страшнее, чем угрозы Гитлера нас повесить. Там всё понятно – враг, а тут вроде как «свои»...

Впрочем, чаще речь заходила о Рыбинске начала двадцатых годов, где среди известных уже по его опубликованным воспоминаниям сведений мелькали какие-то новые детали, которые можно услышать лишь от очевидца: какие вкусные пирожки с рисом пекла в 1920 году жена худож-

ника Григория Базурина или какие шуточные клички были у юных художников рыбинского Пролеткульта.

Николай Александрович жил вдвоём со своей обаятельной, несмотря на возраст, женой Надеждой Михайловной. Проведя вместе много десятков лет, они, кажется, по-прежнему нежно любили друг друга, а теперь уже и физически не могли один без другого обходиться: в больницу, когда обострялись чьи-то болячки, ложились вместе. Заботливо ухаживавший за родителями их младший сын Владимир (старший, Михаил, которого мы видели во время первого нашего визита, вскоре, к сожалению, умер) был очень сдержан и любезен, привозя из мастерской всё новые и новые пачки подарков. Эскизов книжных иллюстраций действительно были целые пачки, точнее, папки, ведь Кукрыниксы, о чём нечасто вспоминают, были сильнейшими мастерами этого жанра. Начав ещё в молодости с привычной карикатурной манеры, в которой они иллюстрировали Салтыкова-Щедрина и юмористические рассказы Чехова, позднее они создали удивительные по силе иллюстрации к произведениям Горького и Чехова, а потом, совершенно в иной манере, вернулись к гротеску, например, в лесковском «Левше». Чтобы не «утонуть» в море многочисленных рисунков разной степени законченности, мы заранее решили сосредоточиться на произведениях, связанных если и не конкретно с Рыбинском, то хотя бы с тематикой, как-то близкой для нашего города. Так, волжская, бурлацко-купеческая тема наряду с качеством работ сыграла решающую роль в том, что мы взяли практически все иллюстрации и даже наброски (как правило, очень живые), связанные с горьковским «Фомой Гордеевым». Не могли мы пропустить и ильфо-петровские «12 стульев», ведь Рыбинск был натурной площадкой для съёмок одноимённого фильма Гайдая, и с тех пор Великий Комбинатор и его сподвижники, можно сказать, получили прописку в нашем городе. Разумеется, заодно взяли и всё, что относилось к «Золотому телёнку». Интересны эти иллюстрации были и как образец поздней манеры Кукрыниксов, когда уже немалые художники, шагая в ногу со временем, решительно изменили свой почерк. Они стали вводить в работы открытый, декоративный цвет, условное построение пространства, острую характерность героев, для которой снова пригодились навыки карикатуристов.

А вот Чехова мы брали, сказать честно, именно как творческую вершину Кукрыниксов-иллюстраторов. Начав ещё до войны с шаржирован-

ных образов, в конце сороковых-пятидесятых художники поднялись до уровня таких шедевров, как ставшие хрестоматийно известными иллюстрации к «Дому с мезонином», «Степи» и особенно «Даме с собачкой».

К очередной годовщине Победы в Великой Отечественной войне Николай Александрович передал музею репродукцию хранящейся в Третьяковской галерее картины «Конец», изображающей последние дни фашистской верхушки в мае 1945 года. По моему личному мнению, это полотно – лучшее, что сотворили Кукрыниксы в области живописи. Не уходя в свойственную карикатуристам насмешливость, они сумели создать удивительно выразительные, яркие образы Гитлера и его приспешников, загнанных в подземелья рейхсканцелярии и буквально сходящих с ума от ощущения заслуженной и неминуемой расплаты. Конечно, репродукция, даже с автографом автора, это не картина. Однако к ней прилагалось несколько натурных рисунков, изображавших толстенную бронированную дверь, «батарею» пустых винных бутылок на столе и даже «портрет Гитлера». Понятно, что сам фюрер художникам не позировал и даже найти натурщика, который согласился бы исполнить эту роль, им не удалось. Пришлось принимать ненавистный образ им самим: на нашем рисунке «Гитлером» был Порфирий Крылов.

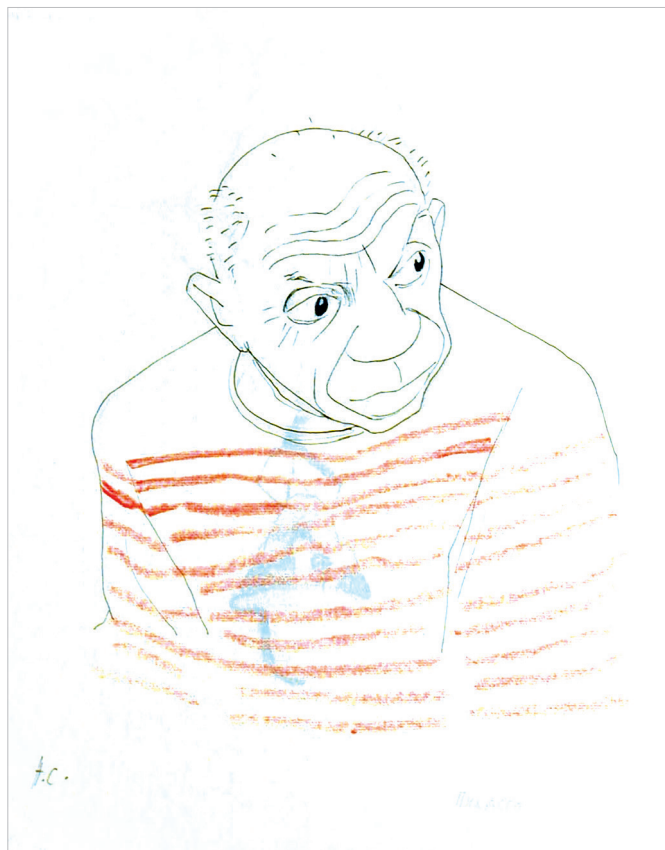
Во время встреч с нами Николай Александрович всегда показывал целые альбомы фотоснимков, весело комментируя:

– Вот это мы в музее Поля Сезанна в Провансе. Фото называется «Коль Сезанн», потому что это я, Коля Соколов, с седой накладной бородкой и усами изображаю Сезанна, Миша (Куприянов) фотографирует, а Порфиша (Крылов), стоит «на атасе», чтобы «кошунственную» фотосессию не увидели сотрудники музея.

– А вот это мы в мае 1945-го в Германии неожиданно встретили моего брата Сергея и сфотографировались у нашей машины: Кукрыниксы в форме полковников, а Сергей – старший лейтенант с орденом Красной звезды.

Молодая счастливая пара, снятая известным рыбинским фотографом А.А. Сигсоном, – родители художника. Снятая тем же Сигсоном пара совсем махоньких детишек в кружевных костюмчиках – их старшие дети, Николай и Татьяна. За этими, наклеенными на фирменные паспарту профессиональными салонными снимками идут мутноватые любительские фотографии: те же Николай и Татьяна – ребята-подростки, заканчивающие школу в Рыбинске... А эти,

Н.А. Соколов.
Пабло
Пикассо.
1960-е гг.

Н.А. Соколов.
Вот это –
формочки!
1975 г.

стоящие, почти в прямом смысле, «на ушах», – студенты ВХУТЕМАСа... И дальше, дальше, дальше: от любительских кадров до больших постановочных снимков известного фотографа Дм. Бальтерманца, изобразившего Кукрыниксов в мастерской среди рисунков.

Как правило, в итоге все эти фотографии тоже дарились музею, если не в этот, так в следующий наш приезд.

Всё передавалось в дар совершенно бескорыстно – как работы самих Кукрыниксов, так и произведения

других художников. Однажды Николай Александрович даже снял со стены и подарил нам висевшую над его кроватью знаменитую гравюру его учителя В.А. Фаворского «Бой русских с половцами».

Единственным желанием мастера было, чтобы люди видели его работы. Увы, с этим всё обстояло очень непросто. Когда-то, в середине восьмидесятых, присвоив Николаю Александровичу звание «Почётный гражданин г. Андропова»¹, городские власти пообещали ему устроить в

Кукрыниксы.
15 лет
Советской
власти.
1932 г.

дедовском доме Шемякиных музей-квартиру. Десять лет спустя об этих обещаниях помнил только сам художник: руководство давно сменилось и никто не собирался исполнять обещанное когда-то. Мы могли только посочувствовать: музей сам жил на крайне скудном финансировании, задерживались зарплаты, росли долги по коммуналке, а обо всём остальном не приходилось даже и мечтать. Увы,

и впоследствии хорошие времена для финансирования подобных масштабных проектов в нашем городе так и не наступили. Областные Тула и Казань, где открылись соответствующие музеи соратников художника П.Н. Крылова и М.В. Куприянова, оказались побогаче.

Дом Шемякиных, где Коля Соколов стал художником НИКСом, передали православному храму (дом состоит из двух половин, одна из которых с конца XIX века действительно принадлежала причту городского собора). Но у церкви не хватает средств на реставрацию и здание в последние годы начинает откровенно разваливаться.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Так назывался тогда Рыбинск. Позднее Николай Александрович безуспешно просил присвоить ему «правильное» почётное звание.

На такой дом неудобно даже повесить мемориальную доску, эскиз которой был подготовлен ещё в 2003 году к 100-летию художника.

Однако Рыбинский музей помнит своего большого друга и большого художника. Стало доброй традицией устраивать выставки, посвящённые творчеству Кукрыниксов, каждые пять лет. Особенно значительной по объёму была юбилейная, 2003 года. Мы постарались показать все периоды жизни и творчества Николая Александровича и его товарищей, благо теперь музейная коллекция это позволяет сделать. Военное время символизировали металлические конструкции, на которых висели огромные «ОКНА ТАСС», а внутри – зарисовки фашистских главарей, сделанные художниками во время Нюрнбергского процесса. Сатира и юмор были лейтмотивом выставки, но обходя выгородку с карикатурами с обратной стороны, посетитель неожиданно лицом к лицу встречался с очень лиричными иллюстрациями к творчеству Чехова.

Именно эти иллюстрации стали главными героями другой выставки, получившей название «Чехов глазами Кукрыниксов». Мы использовали то обстоятельство, что в музейной коллекции хранятся не окончательные варианты иллюстраций, а созданные в процессе творчества, но по разным причинам отклонённые художниками. Найти сами иллюстрированные Кукрыниксами издания А.П. Чехова проблем не было – опять же спасибо Николаю Александровичу! Отсканировать и распечатать размещённые там иллюстрации – тоже. И вот мы разместили пары: распечатка знаменитой иллюстрации и рядом её эскиз. При этом очень наглядно был виден ход мысли художников, иногда даже отказывавшихся от эффектного приёма ради того, чтобы книга с иллюстрациями приобрела более цельный и законченный характер.

Последний раз – в 2013 году – годовщину со дня рождения художника отметили большой выставкой карикатуры «всех времён и народов»: от древнерусского лубка и английских гравюр наполеоновской эпохи и до карикатур конца XX века. Разумеется, не обошлось без большого раздела о творчестве НИКСа и его друзей КУ и КРЫ.

Ведь они очень заметные фигуры в истории карикатуры.

Фигуры мирового масштаба. *